

А.Е. Козлов

«ОТРЫВКИ ИЗ ВОЗВРАЩЕННЫХ ПИСЕМ» Н.Д. АХШАРУМОВА В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Аннотация. Представлено исследование ранее не издававшейся повести критика и писателя XIX в. Н.Д. Ахшарумова. Повесть ориентирована на эпистолярный жанр и раскрывает историю взаимоотношений молодой провинциалки и имени того писателя Н.Д. Совпадение ряда деталей – имени и отчества, адреса, профессиональной идентификации – позволяет соотнести адресата писем с их автором – Ахшарумовым. В статье сделана гипотеза, согласно которой писатель создает произведение, подводя предварительные итоги своей литературной деятельности. Не удовлетворенный положением дел, он создает «улучшенный вариант» своей биографии, запечатленный в жизни и репутации Н.Д. В приложении к статье впервые приводится текст повести.

Ключевые слова: Н.Д. Ахшарумов, вторичность и альтернативность, текстология, авторское самосознание.

В литературной работе писателей-беллетристов значительную роль играют не только опубликованные ими тексты, зачастую «забракované» и осужденные на забвение современной им критикой, но и многочисленные черновые записи и наброски. Парадоксальным образом, то, что составляет неотъемлемую часть при изучении признанных классиков, в случае изучения беллетристики зачастую признается несущественным; этими черновиками пренебрегают, тем самым лишаясь возможности познакомиться с литературным бытом писателей второго и третьего литературного ряда. Тем не менее этот материал имеет значительную ценность, позволяя не только составить представление о личности писателя-беллетриста, но и о напряженной внутренней работе – точнее, о его самосознании.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научно-го проекта «Создание международного научно-информационного портала “Автограф. XX век”», № 19-18-00353.

К подобным фигурам, привлекающим наше внимание своими многочисленными неопубликованными текстами, относится критик и беллетрист Н.Д. Ахшарумов. Его литературная карьера и репутация сегодня хорошо изучены [1, 2], и на основании этого можно составить представление о нем как о «внепартийном» беллетристе, чуждавшемся собственно литературных кругов. Первый биограф писателя называет его «...убежденным врагом партийности и исключительности», «убежденным идеалистом-эстетиком», «служителем именно чистого искусства» [3. С. III]. С.А. Венгеров в специальном дополнении к своему критико-библиографическому словарю пишет об Ахшарумове как «литераторе *pur sang*, которому интересы истины всего дороже, которому чуждо мелкое самолюбие, для которого слова “красота” и “идеал” не звук пустой, не взятая напрокат вывеска» [4. С. 1008].

Показательны и немногочисленные высказывания писателя о себе и своем творчестве. Так, в автобиографии-анкете, составленной по запросу Венгерова, Ахшарумов пояснял собственный взгляд на себя и свое творчество: «Скучно писать, да и некогда наводить справки о многом, что позабыто» [12]. Его произведения, зачастую декларативно-вторичные (повесть «Двойник» и роман «Чужое имя»), зачастую маргинально-экспериментальные (повести «Граждане леса» и «Натурщица») [5], являясь, с одной стороны, типичной продукцией беллетристики XIX в., с другой – неприемлемым для современников экспериментом, свидетельствуют о напряженных эстетических поисках. И действительно, обращение к архивным материалам, подтверждает существование многочисленных этюдов, набросков, программ, в которых писатель ищет новые основания для литературы и искусства («Теория слова», «О представительном смысле вещей» и пр.) [6].

Среди этих неизданных конспектов и планов выделяется рукопись под названием «Отрывки из возвращенных писем» [13]. В картотеке рукописного отдела ИРЛИ рукопись имеет помету «копии», на титульном листе указано имя возможного адресанта – написанная рукой автора и трижды зачеркнутая фамилия «Хвощинская». Н.Д. Хвощинская, похожая на Ахшарумова своей нелюдимостью и своеобразной исключенностью из писательского круга («Разве есть жизнь у псевдонима?») [7, 8], действительно была корреспонденткой Ахшарумова в поздние годы своей жизни; тем не менее, в настоящий момент мы не располагаем этими письмами и не можем сказать с уверенностью, сохранились

ли они. В любом случае в этой коммуникации Хвощинская должна была выступать в роли старшего: Крестовский – псевдоним, явился в печати еще в конце 1840-х гг., в то время как литературная деятельность Ахшарумова (Чернова) началась только в 1850-е гг. Это замечание следует учитывать при дальнейшей аргументации.

В настоящей статье мы выскажем предположение, состоящее в том, что «Отрывки из возвращенных писем» не представляют собой копии действительных писем, а являются черновиком еще одного произведения, которое автор, по личным соображениям, не счел нужным печатать при жизни. Таким образом, мы рассмотрим найденный текст как художественное произведение, исходя из организующих его фабульных схем, адресации и возможной прагматики.

История, представленная серией условных писем-глав, довольно тривиальна: молодая девушка, по-видимому, недавно окончившая пансион, в проникновенных письмах близко знакомому литератору рассказывает о своей жизни в провинции. Как и в рождественских рассказах, одно из первых писем датировано 25 декабря. Особо примечательного среди этих рассказов нет – это несколько картин, описывающих жизнь в семейной усадьбе, застолье, в котором участвуют провинциальные чиновники, короткое путешествие по уезду. Автор писем, не лишенный интуитивного литературного таланта, не имеет никакого отношения к литературе – поэтому знакомство с беллетристом, имеющим известность в столичных кругах, при этом много старше ее, существенно ей льстит. На протяжении короткой истории провинциалка пишет письма, полные любви и нежности, постоянно мечтая о своем возвращении в Петербург. Повесть обрывается на том месте, где преданная Вам... сообщает о своем тяжелом недуге и предупреждает своего адресата, что не может вернуться из Любежева, так как этому мешает половодье.

Несмотря на свою тривиальность, эта история своеобразно входит в круг так называемых «провинциальных сюжетов». В частности, близкие, почти семейные отношения незамужней девушки и пожилого литератора задают этой теме ненормативный и рискованный ракурс, предполагая за сюжетными лакунами и обмолвками в письмах девушки историю тайной, практически запретной любви (заметим, что лакунарность сюжета поддерживается на уровне пунктуации многочисленными многоточиями и экспрессивными вопросительными знаками, например: ...?... / ...?...?...). История этих отношений должна

быть скрыта от общества, что неоднократно подчеркивается в письмах провинциалки.

Характерной выглядит датировка повести. Рукой автора проставлено: 28 Декабря 52 г. Этот год зачеркнут, и вместо него тем же почерком указано: 81 год. Данное исправление кажется нам довольно существенным, поскольку задает некоторый стилиевой ориентир, связанный с повестью «нового сентиментализма» 1850-х гг. В этом жанре и стиле особенно много писали в «Отечественных записках» – том же журнале, где Ахшарумов долгое время был переводчиком и критиком, – сестры Хвошинские. Более того, Н.Д. Хвошинской в «Отечественных записках», наряду с трилогией «Провинция в старые годы», была опубликована повесть «Из связки писем, брошенной в огонь» (1857), фабула которой во многом идентична: институтка рассказывает подруге о своем неожиданном и головокружительном романе с женатым мужчиной. Название произведения Хвошинской маркирует коммуникативную неудачу – письма уничтожены, хотя обстоятельства этого в тексте не прояснены: их могла сжечь как автор писем, так и адресат корреспонденции. Предположительно, Ахшарумов мог помнить это произведение или ориентироваться на сходные фабулы, с чем связано написание фамилии на фронтисписе рукописи.

Тем не менее набросок подвергался авторской правке, благодаря которой время действия изменилось и было перенесено в 1881 г. Этот перенос не случаен, поскольку на наш взгляд им определяется, изменение точки зрения на себя и свою личность. Действительно, в 1852 г. Ахшарумов только начинал литературную карьеру, его немногочисленные произведения выходят в этот момент под псевдонимом *Чернов*, переводы (что характерно для толстых журналов) – без указания имени переводчика. Первые произведения не принесли тогда еще молодому писателю литературной славы и известности. В 1880-е гг., будучи много старше (и, по собственному признанию, старее), он предстает известным в узких кругах литератором, а в иллюстрированных еженедельниках и энциклопедиях появляются статьи, позволяющие составить краткий очерк личности Ахшарумова.

Из писем в рукописи следует, что адресата зовут Н.Д., он является довольно известным литератором, автором сказок; указан даже адрес, совпадающий с адресом проживания Ахшарумова в 1880-е гг.: Сергиевская улица в Санкт-Петербурге. В тексте даны развернутые оценки

Н.Д. как личности и писателя. Во-первых, автор писем использует устойчивые номинации «хороший, дорогой мой» и «большой миленький». По тону писем очевидно, что связь пансионерки и Н.Д. настолько крепкая, что для нее он важнее ее многочисленных родственников: «Дорогой Вы мой, золотой, несравненный, по душе, по сердцу, никого роднее и дороже нет на свете, как бы хотелось все это скорее сказать». Эта любовь-страсть лишает автора писем воли и чувства собственного достоинства: «...по первому Вашему ласковому слову, готова была пешком прийти в Петербург и трудиться, трудиться, сколько сил хватит». Во-вторых, описывая провинциальное застолье в духе социально-обличительного направления, автор писем называет себя «самой верной поклонницей одного из писателей и просветителей». К слову сказать, Ахшарумов не участвовал в многочисленных дискуссиях об устройстве земских школ и вообще сторонился каких-либо социальных проектов. В-третьих, книги Н.Д. составляют здесь важную часть детского чтения. Ссылаясь на мнение одного из детей сестры, автор писем говорит о том, что сказки буквально «вскружили ему голову». Ахшарумов действительно был известен своими произведениями для детей, впервые изданными с серьезным предисловием «О педагогическом значении сказки». Так, в очерке деятельности беллетриста П.В. Быков писал: «Н.Д. Ахшарумов был писателем, имя которого вступившие ныне в самостоятельную жизнь поколения научились уважать еще с детства по его исполненным поэзии и неподдельной прелести сказкам» [9]. Тем не менее гораздо большей популярностью на момент создания писем пользовались сказки другого беллетриста – В.П. Авенариуса [10].

Адресат писем – литератор Н.Д. – обладает двумя чертами, которых лишен их фактический автор – *зрелостью*, а не старостью, *известностью*, а не безызвестностью. Обращение к личным документам и эпистолярному писателю позволяет сделать вывод о том, что общим мотивом реальных писем Ахшарумова 1880-х гг. становятся жалобы на безденежье и слабое здоровье. Наряду с главным своим интересом – печатью новых произведений – Ахшарумов ведет интенсивные переговоры об издании собрания сочинений собственных произведений, однако все попытки заканчиваются неудачей (первое собрание сочинений писателя вышло после его смерти в 1894 г.). Среди корреспондентов Ахшарумова, за исключением Хвоцинской, практически нет сохранившихся

писем женщинам. Даже самый близкий его корреспондент – С.А. Никитенко, устройством финансовых дел которой Ахшарумов особенно занимался в конце 1870-х гг. после смерти А.В. Никитенко, всегда держала в коммуникации значительную дистанцию.

Таким образом, неопубликованная переписка, найденная среди бумаг Н.Д. Ахшарумова, являясь фикциональным текстом, свидетельствует о характерных сдвигах в авторском самосознании. Стареющий беллетрист, свыше 30 лет подвизавшийся на поприще русской литературы, подводит в ней своеобразные итоги своей литературной деятельности. В этой рефлексии и возникает проекция «улучшенного Н.Д.», чей реальный или естественный капитал (определяемый его здоровьем и симпатиями молодой девушки) существенно возрастает вместе с символическим (роль просветителя, гуманиста, настоящего детского писателя) [11]. Ни одна из этих ролей не была сыграна Ахшарумовым в полной мере, ни один сценарий не воплотился в его прижизненной и посмертной литературной репутации.

В связи с этим выскажем предположение, что перед нами, в сущности, *письма одиночества*. Не располагая возможностью доверительно поговорить о себе, Ахшарумов использует возможности фикционального текста. Жизнь Н.Д. становится здесь образующим сюжетом (Я глазами Другого, точнее, другой), а запретная любовь – лейтмотивом произведения*.

В отличие от других текстов писателя, его «переписка» не могла быть опубликована при жизни. Если большинство его текстов – парадоксальные новеллы, посвященные отношениям фикциональных автора и героя, исключающие возможность однозначной трактовки, в рассмотренном случае намеченная проекция могла быть понятной не только узкому кругу знакомых писателя, но и всем читателям.

Таким образом, не имеющая сколько-нибудь выдающихся особенностей в своей поэтике повесть интересна для нас как диалог-монолог писателя-беллетриста с самим собой и своеобразное зеркало, отражающее его страсти и желания.

Литература

* Кроме того, имеет смысл обратить внимание на совпадение инициалов Н.Д. Хвоцинской и Н.Д. Ахшарумова.

1. Ахшарумов Н.Д. Литературная критика и эстетика / под ред. Н.В. Володиной и др. Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2019. 426 с.
2. Майорова О.Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.
3. Сорокин Вл. Биографический очерк // Сочинения Н.Д. Ахшарумова. Библиотека Север. СПб. : Изд-во Е. Евдокимова, 1894. Т. 1. С. III–XXI.
4. Венгеров С.А. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Критико-библиографический словарь. Т. 1: Приложение. СПб., 1898. С. 1003–1008.
5. Тюпа В.И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 109–120.
6. Козлов А.Е. Стихийная семиотика Н.Д. Ахшарумова // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 5–11.
7. Строганова Е.Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвоцинская, она же В. Крестовский // Долг и любовь: Сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М.В. Михайловой. Статьи. Рецензии. Эссе. Публикации. Тверь, 2011. С. 202–219.
8. Sities R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. New Jersey : Princeton University Press, 1997. 512 p.
9. Быков П.В. Н.Д. Ахшарумов // Нива. 1880. № 33. С. 653.
10. Образцовые сказки русских писателей / сост. В.П. Авенариус. СПб., 1882. 240 с.
11. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996. 408 p. (In English).
12. ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 243 (Письмо Н.Д. Ахшарумова С.А. Венгерову).
13. ИРЛИ. Ф. 155. Р II. Оп. 1. Ед. хр. 13. [1883, Январь. 12 л.].

An Unknown Story by N.D. Akhsharumov in the Aspect of Author's Self-Consciousness

Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 23–40

DOI: 10.17223/23062061/21/2

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Akhsharumov, secondary and alternative, genetic criticism, author's self-consciousness.

The article analyses the previously unpublished story written by the critic and writer Nikolai Dmitrievich Akhsharumov in the the 1880s. The story is written in the epistolary genre and reveals the history of the relationship between a young provincial girl and an eminent writer N.D. Coincidences in a number of details (name and patronymic, address, professional identification) allow correlating the addressee of the letters with their author, Akhsharumov. A hypothesis is presented that the writer creates the story to sum up the preliminary results of his literary activity. Not satisfied with the

actual state of affairs, he creates an “improved version” of his biography, captured in the life and reputation of N.D. The text provides detailed assessments of N.D. as a person and a writer. Firstly, the author of the letters uses regular nominations “my good dear” and “big sweet”. This love-passion (“You are my dear, golden, incomparable, in my soul, in my heart, no one is closer and dearer in the world; I wish I could say it all as soon as possible”) deprives the author of the letters of will and self-esteem: “. . . At a warm word of yours, I was ready to come to Petersburg on foot and work, work for as long as I can.” Secondly, describing a provincial feast in the spirit of a socially denunciatory trend, the author of the letters calls herself “the most loyal fan of one of the famous writers and enlighteners.” As a sidenote, Akhsharumov did not participate in numerous discussions about the social projects of the 1860s–1870s. Thirdly, the books of N.D. are an important part of children’s reading. Referring to the opinion of one of her sister’s children, the author of the letters says that the tales literally “mesmerized him”. Akhsharumov was really known for his works for children, first published with a serious preface “On the Pedagogical Significance of the Fantastic Tale”. However, at the time, tales by another fiction writer, V.P. Avenarius, were more popular. Thus, the unpublished correspondence found in the papers of Akhsharumov, being a fictional text, testifies to characteristic shifts in the author’s self-consciousness. The aging fiction writer, who has worked in the field of Russian literature for more than 30 years, sums up the peculiar results of his literary activity. In this reflection, there arises a projection of an “improved N.D.”, whose real or “natural: capital (determined by his health and the sympathies of the young girl) increases significantly along with the “symbolic” one (the role of educator, humanist and real children’s writer). Naturally, Akhsharumov never played any of these roles in his real life. Thus, the story that does not have any outstanding features in its poetics is interesting for us as a dialogue or monologue between Writer-1 and Writer-2 (fictional influential writer), and as a kind of a mirror reflecting his passions and desires. The text of the story is attached to the article. The story, found in Akhsharumov’s personal papers (which mainly consist of draft notes, abstracts and drafts of research articles), is published for the first time.

References

1. Akhsharumov, N.D. (2019) *Literaturnaya kritika i estetika* [Literary criticism and aesthetics]. Cherepovets: Cherepovets State University.
2. Mayorova, O.E. (1989) Akhsharumov Nikolay Dmitrievich [Akhsharumov Nikolay Dmitrievich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 131–132.
3. Sorokin, V.I. (1894) Biograficheskiy ocherk [A Biographical Sketch]. In: Akhsharumov, N.D. *Sochineniya N.D. Akhsharumova* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. III–XXI.
4. Vengerov, S.A. (1898) *Kritiko-bibliograficheskiy slovar'* [A Critical and Bibliographic Dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1003–1008.

5. Tyupa, V.I (1991) Mezhdru arkhaikey i avangardom [Between the Archaic and the Avant-garde]. In: Nikolaev, P.A. & Khalizev, V.E. (eds) *Klassika i sovremennost'* [Classic and Modernity]. Moscow: Moscow State University. pp. 109–120.

6. Kozlov, A.E. (2019) Spontaneous Semiotics of Nikolay Akhsharumov. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 1. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.25205/2307-1737-2019-1-231-242

7. Stroganova, E.N. (2011) Po povodu neudobnogo psevdonima: Nadezhda Khvoshchinskaya, ona zhe V. Krestovskiy [Regarding the uncomfortable pseudonym: Nadezhda Khvoshchinskaya as V. Krestovsky]. In: *Dolg i lyubov'* [Duty and Love]. Tver: [s.n.], pp. 202–219.

8. Sities, R. (1997) *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930*. New Jersey: Princeton University Press.

9. Bykov, P.V. (1880) N.D. Akhsharumov [N.D. Akhsharumov]. *Niva*. 33. pp. 653.

10. Avenarius, V.P. (ed.) (1882) *Obraztsovye skazki russkikh pisateley* [Classic Tales of Russian Writers]. St. Petersburg: A. Welling.

11. Bourdieu, P. (1996) *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.

12. The Institute of Russian Literature (The Pushkin House). Fund 377. List 7. File 243 [Akhsharumov's letters to S.A. Vengerov].

13. The Institute of Russian Literature (The Pushkin House). (1883) Fund 155. II. List 1. File 13.

Николай Дмитриевич Ахшарумов
Отрывки из возвращенных писем*

28-е декабря ~~52-го~~ 81 г.

Хороший, дорогой мой, это будет второе письмо, что я пишу к Вам – первое я писала из Москвы, – вся дорога была невыносима. Москва мне стоила более 3-х рублей, и мне удалось выбраться из нее только в 6 часов вечера, такая толпа народу, что взять билет не было возможности; даже и в вокзал для 3-го класса нельзя было попасть, не говоря уже о кассе – крик, шум, давка, просто ужас. Должна была я, только по счастью, проехать во 2 классе и потом бежать ночью по снегу, менять на 3-й класс, – вагона не подали к платформе, вся дорога была переполнена разного рода неприятными приключениями, но как только добралась до Парголова, наняла лошадей и против всякого ожидания дешево. Быстрый бег тройки, звон колокольчика, теплая приятная погода, лунная ночь – все так успокоительно подействовало на мою душу, что все раздражавшее угасло, и мне вдруг захотелось, чтобы моя тройка понесла сани скорее, быстрее опять в Петербург, помириться, приласкаться к миленькому, дорогому, к которому и теперь моя единственная ~~просьба~~ убедительная просьба забыть все, что было дурного и помнить только хорошее. Голубчик, огромное расстояние верст разделяет нас теперь, будем же друзьями и будем сохранять мир и тишину, насколько это возможно, я же люблю все также миленького, дорогого и никогда не забуду...

Пишите, скорее, прошу Вас, если бы Вы отправили ответ на мое письмо, как я просила при свидании, то сегодня я бы уже должна была получить Ваше письмо; почту приносят всякое воскресенье. До семьи я добралась только в ночь на 25 декабря, в 2 часа. Посылаю маленькую записочку к А., пошлите ее, пожалуйста, по городской почте (Адрес). Пишите же, голубчик, милый, поскорее, успокойте хоть немного преданную Вам Вашу...

* [13]. Черновой автограф публикуется с учетом современных норм орфографии и пунктуации, при этом сохранены такие авторские знаки и указания, как: (??), (...?...?), (*адрес*), (*село*). Написание криптонимов унифицировано: А*, С*, Г*.

5-го января

Хороший, дорогой, самое главное впечатление – это было огорчение, что я не получила от Вас писем, в особенности под Новый год. Мне очень хотелось знать, как, где и с кем Вы его встречаете и помните ли обо мне. Весь вечер я чуть не плакала, едва-едва удерживала слезы из приличия. С завтрашнего дня буду писать вроде дневника, теперь тороплюсь, пользуюсь случаем, чтобы написать несколько строк. Сестра преждевременно разрешилась дома без акушера, сегодня крестины, ребят куча. Пишите скорее, не забывайте всегда Вам преданную...

Пришлите марки. В С... нельзя достать за деньги. Пришлите просто в письме...

11-го января

Я тогда так торопилась, что не успела Вас поздравить с Новым годом, милый, хороший, но я все-таки не думаю, чтобы Вы рассердились на меня за это, ведь я очень торопилась, это было 4-го, в тот день крестили маленького Васю, и я послала письмо с женой начальника станции, которая была на крестинах и очень-очень заторопилась ехать. Дневника мне никак не удастся писать, потому что нет отдельной комнаты; все спят в детской и даже вместе со мной на кровати, слева Катя, фаворитка матери и очень избалованная девочка из всех детей, но также, как и все дети, ласковая и добрая девочка; вообще я детей думала найти гораздо капризнее, чем они есть... Покуда я написала одну страничку, дети меня осматривали раз шесть, а сестра сердится, если начнешь их отстранять от себя; а так хочется поговорить с Вами, что даже зло берет на них. Катя сидит около меня и болтает, как сорока, сбивая на каждом слове, – ей только 3 года: красивенькая девочка, а надоедает в настоящую минуту страшно. А еще от Женьки еле отвязалась – ему только 1,5 года: ничего не говорит, а все понимает, то бумажку ему отдай, то чернила, то перо, – лезет на руки, а потом большие пришли, никуда от них не спрячешься; да они и обвиняют, ласкают, – и так проходит целый день. Мише 5 лет, он очень похож на нашего отца и характером, и поступками напоминает мне мое детство. Читает, пишет, шалит больше всех и понятливее и умнее

всех, что признают даже отец с матерью. Володя походит на своего отца и смиреннее всех, но зато и настойчивее; ему 7 лет; в настоящее время он и Саша спят со мной в комнате, я переселяюсь наверх, где прежде сестра лежала больная. После ужина соберешься писать к Вам, а они поднимут возню; не спят, пока горит свеча, – разозлишься, да так и бросишь писать. Еще одно неудобство: что комодов и шкафов – пропасть, да нет к ним ни одного ключа, все что хотелось бы Вам высказать, сразу не напишешь, а оставить до другого дня, так большим в руки попадет, так может выйти история и неприятность. Но как бы ни сложились обстоятельства, впрочем, знайте, что дороже и милее Вас никого нет. Подтверждаю это честным словом и призываю Бога в свидетели. Так хотелось бы поскорее крепко, крепко обнять моего большого-миленького, об котором не забываю ни на одну минуту, даже ночью смотрю на часы и представляю, что мой большой-миленький делает.

Приступаю опять к детям. Саше вскружили голову Ваши сказки, он просил передать Вам поклон, много об Вас расспрашивал и решил сам сделаться писателем; – целые вечера все сидит и пишет; описывает то, что даже не испытал: как ходил на охоту, как проводил время в Орле, где он никогда не был, но куда предполагают отдать его в военную гимназию. Ему 9 лет, он красивее всех детей и самый старший у сестры. Вообще, она художница по части портретов, выпускает их на свет в виде своих ребят – каждый ребенок походит на кого-нибудь из родных. Саша, как две капли воды, похож на моего отца, – Катя на нашу мать, Женя – на нее, то есть на мать (меня зовет тоже мамой). Наконец, Вася, который явился, как сюрприз, на Новый год, – я тут же назвала его Васей, а он и в самом деле стал им, и на кого будет похож, еще неизвестно.

Еще, как сумею, расскажу Вам взгляды здешнего общества; судите сами, что это за люди. На днях собрались кое-кто из соседей, и вот, за светским обедом, за рюмкой хорошей домашней наливки, пошли разные толки и рассуждения. Один из них, мировой судья, сказал, что, пока он исполняет эту обязанность, в его участке не будет ни одной школы, что учение и просвещение хоронит людей и делает мерзавцев, а русскому мужику только и надо, что соху в руки, да палку в спину. Другой же, по фамилии С..., вполне согласился с этим мнением, да еще прибавил, что он, своими руками, если бы была его воля, высек

бы всех литераторов и писателей, которые не просвещают, а развращают людей (он был первый раз у зятя, и ему, конечно, и в голову не приходило, что здесь присутствует самая верная и искренняя поклонница одного из писателей и просветителей). Зять же мой перебил дальнейшее рассуждение и объявил, что мужик может и учиться, но, выучившись, должен опять взяться за соху и отнюдь не выходить из той среды, в которой родился. Продолжения же вспыхнувших прений у меня не хватило терпения дослушать, я воспользовалась случаем, что Женя подошел ко мне, взяла его на руки и вышла, не дожидаясь конца обеда. Клянусь Богом, я не прибавила ни одного слова.

12-го января

Остальные мои впечатления я Вам расскажу после, теперь же и так боюсь, надоем я Вам разными подробностями, да и не совсем удобно; врать Вам я не умею и не могу, а писать правду, нет времени. Жду с нетерпением Вашего письма. Сестра поправилась и мне очень хочется взглянуть на племянницу, дочь брата, и я думаю на днях покинуть Любежево. Если Вы будете отвечать только на это письмо, то можете прямо на мое имя (адрес) до востребования. Письмо я буду ждать, если Вас не затруднит, поскорее, если бы Вы знали, как дороги мне Ваши письма. За медленностью же ответа, письма Ваши могут попасть в другие руки, и если они будут любопытные, могут и распечатать; а я все буду ждать, да так и останусь при одном ожидании. В каждом письме я буду сообщать свой адрес, потому что еще я намерена побывать в Е..., дорога ничего не будет стоить, дадут лошадей, а там есть куда деться...

Дорогой Вы мой, золотой, несравненный, по душе, по сердцу, никого роднее и дороже нет на свете, как бы хотелось все это скорее сказать Вам не на бумаге. Всякий час я вспоминаю и думаю, что Вы в это время должны делать. Эти дни я так тоскую по Вас, что сил нет. Сегодня я проснулась в 4 часа, почему-то мне казалось, что Вы не спите в это время, и мне казалось, что Вы сегодня обедали у Н.*, напишите мне правду: часто Вы у них бываете? У Вас есть несколько развлечений и привязанностей, кроме меня, для меня же Вы незаме-

* Вероятно, «у Никитенко». – А.К.

нимы, и я все-таки ценю всю Вашу заботу и хлопоты обо мне и никогда не забуду, мой родной, мой миленький, не сердитесь, что я так Вас называю...?... Ни перо мое, ни бумага не помогут высказать Вам, как сильно во мне желание загладить все неприятности, которые были в последнее время между нами. Всегда Ваша...

17-го января

Сегодня я получила Ваше письмо и сейчас же отвечаю Вам, но когда оно попадет к Вам в руки, ручаться не могу. Вам я отвечаю со станции С*. 10 верст, и все это время погода отвратительная, или вода по колено, или голый лед, так что и кованые лошади падают и ломают ноги; вдобавок такая буря дня три подряд, что сбивала с ног человека; думали, что крышу сорвет с дома. А главное, что не в моей воле распоряжаться и посылать людей, куда и когда мне вздумается, и весь мужской персонаж занят работами; деревня в трех верстах от усадьбы; не имея же материальных средств к жизни, поневоле всегда и везде приходится зависеть от тех людей, с которыми живешь. Голубчик, дорогой Н.Д., хватит Вам меня огорчать и сердиться на меня за то, что не от меня зависит (?). При всем моем желании писать Вам тотчас по получении Вашего письма, я действительно никаким образом не могу этого сделать. Вы же совсем другое дело (...?): ящик в Сергиевской, марка в коробке, горничная (...?) обязана исполнять все Ваши поручения; следовательно, все зависит от Вас одного. Не сердитесь, хороший мой, что я все это Вам высказываю, я так была счастлива, получив Ваше первое письмо, что всякую минуту, по первому Вашему ласковому слову, готова была пешком прийти в Петербург и трудиться, трудиться, сколько сил хватит, – и так скучала последние три дня, что не имею возможности послать написанное Вам письмо, что даже не садилась за обед и не спала 3 ночи. Клянусь Богом, не преувеличиваю ни одного слова. Наконец, увидя Федора (кучера), возвращавшегося со станции с письмами, я в одном платье бросаюсь к каретному сараю, сопровождаемая ворчанием и криком («А что, только от матери родной можно ждать так нетерпеливо писем, и еще которую не видела лет 10»); но не ее ворчание остановило меня, а вода, которая стояла у крыльца по колено, и я послала горничную Аннушку, не имея терпения дожидаться, когда Федор принесет сам.

Распечатавши желанное, дорогое письмо, я решила не покидать Л* еще на некоторое время. Милый, хороший, дорогой, отчего такой быстрый переход от доброго радушного к такому ледяному тону письма? Чем я заслужила это? (я так торопилась писать то письмо; Женя был на коленях, две барыни (!) около меня перебивали меня всякую секунду, я даже не помню, что писала). Должны же Вы знать, что дороже Вас никого у меня нет, я говорю искренно. Почему Вы не хотите говорить о себе? Вы знаете, что этим лишаете меня всего на свете. Или с Вами в это короткое время случился какой-нибудь переворот в жизни? В последнем Вашем письме Вы точно радуетесь, что меня нет в Петербурге и что Ваша жизнь идет как-то ...?... и я точно лишняя ...?... Напишите, прошу Вас...?...

20 января

Теперь сообщу подробно ход дел в Л*. Имение большое, дом красивый, не испортил бы и Сергиевской, 15. Комнаты отделаны отлично (если еще не отделяются); живут только в десяти больших, но совсем не освежают; форточки не открывают никогда, весной и летом тоже, из боязни простудить детей; воздух спертый, всякий день у меня так болит голова, точно я выпила бутылку вина. Гулять невозможно; буря всякий день, хотя снегу совсем нет, а лед или вода. Детей во время хорошей погоды мне едва-едва удастся вытащить на воздух, и то со ссорой; вследствие этого они часто больны. Прислуги при доме две горничных, мамка и нянька Вера, которая играет большую роль в доме, сестра моя на нее чуть не молится. Далее верно определить ничего не могу; кучер, повар-баба, спасибо, кухня через сени, а то можно было бы задохнуться; – народу много, и всякому дело есть, потому что народу много. В людской еще человек 20 народу, иных даже и не знаю, исключая трех скотниц и кухарки. <нрзб.> Страсть к приобретению собственности еще более развилась, так что все имение, доставшееся сестре от родителей, продано и куплено вновь на его имя, еще к ним в Л. две деревни; деньги все убиты на поправку построек в Л. и на хозяйство, которое было расстроено, так что теперь пришлось и самим им заняться, и много-много еще хороших подвигов сотворено им, всего не напишешь.

Сами можете судить, какое я расположение могу питать к подобному человеку. Сестра брата желчна, раздражительна, властолюбива до грубости; ревнует к Вам, как только я за письма, она надуется, ворчит, а сама не хочет ничем улучшить мое положение. Зять же наоборот радуется, если я стремлюсь в Петербург и не остаюсь на его шее. Преподобней сестры А., по-моему, нет, и передо мной другая женщина, а может быть, и сама-то я стала смотреть поспокойнее, более хладнокровно отношусь к ее подружкам, а прежде я бы тоже любила ее и судила пристрастно. Дети только меня утешают немного; все они ласковы, один перед другим стараются угодить что-нибудь, и как только помяну про Петербург, орут во всю мочь, что не пустят меня. Письма я Вам пишу, как обычно, урывками. Опять повторю вопрос и убедительно прошу объяснить мне, по какой причине Вы не хотите ничего писать про себя?.....(?)... Хороший Вы мой, дорогой, несравненный, пишите поскорее, прошу Вас, я не буду покойна, пока не получу от Вас письмо, хоть какое бы ни было. Сердитесь Вы на меня, так и пишите, все-таки лучше знать, что Вы здоровы и ведете жизнь приятную. Так много я люблю Вас, я готова молиться за Вас, когда не получаю писем...?... За марки очень благодарна; у меня теперь их изобилие. А.О.Л. прислала из Т*, по моей просьбе, 10 штук. Пишите, скорее, прошу Вас, и не забывайте всегда искренне преданную Вам...

15 февраля

Хороший Вы мой, дорогой Н.Д., не сердитесь Вы на меня, если я что написала лишнее, что Вас огорчило. Если и написала, то основываясь на Вашем письме, а потом на нежелании меня видеть. Скажу также откровенно, что все это очень и очень огорчило меня, да и здесь все неприятности. Ваша правда (?), что сердце – мой враг, да еще какой силы! Здоровье мое сперва было хорошо, а теперь опять, уже давно, без порошков дышать не могу, а она только и ответила, что «толстая – вынесешь», и я решилась твердо тогда больше не посещать ее, она, видимо, тяготится мною. Свет не без добрых людей, как-нибудь проживу и без нее, а оставаться у нее больше не могу, не могу, не хочу, да и невозможно. На днях я покидаю Л* совсем, и если у Вас найдется хоть одно доброе слово для меня, то напишите в Москву, в

Почтаamt, до востребования, я буду ждать с нетерпением. Не писала же долго, потому что не знала, куда дать адрес. Все это время я все ездила, прощаясь, была опять на заводи, впрочем, только день, была в Е*. В Г* была в приходе Михаила Архангела, на могиле отца, и матери, и брата. В А* же больше не собираюсь быть. Еще главная причина моего молчания была та, что я была огорчена и взволнована, боялась опять, как бы, хотя нечаянно, необдуманно не написать того, чем могла бы Вас огорчить.

Хороший Вы мой, дорогой, люблю Вас больше жизни, все мое счастье было бы с Вами прожить, хотя бы эта жизнь и была наполнена разными лишениями. Верю Вам вполне, но не могу не высказать глубокого-глубокого огорчения, что всякой женщине, находящейся в Вашей квартире, даете право над собою.

Нельзя к Вам более податься, нельзя слова сказать, чтобы не нажать себе неприятности. Что же касается Ваших писем, то Вы всегда их писали как бы к 10-летней девочке, ничего серьезного, ничего положительного; я давно огорчалась, но не смела высказать... ? ...

Середа

Еще раз прошу у Вас прощения, дорогой Вы мой, если я Вас чем-нибудь огорчила, но, право, у меня нет желания Вас огорчить и проч.

Хороший, дорогой, безупречный Н.Д., я так соскучилась, так хотелось бы Вас видеть, хотя бы издалека, посмотреть, как Вы гуляете по Сергиевской, хоть бы на Петербург издали посмотреть. Справедлива пословица: человек предполагает, а Бог располагает; по моему расчету я давно должна была бы быть уже в Петербурге; ровно две недели назад я уже хотела покинуть Любежево, а между тем еще живу здесь. Накануне дня отъезда вдруг заболела точь-в-точь как осенью, колело мои бока и живот. Растирали спиртом и вызывали врачей, сестра, наконец, и та поверила, что я больна. Через три дня поправилась и решила непременно выехать из Любежева в воскресенье на прошлой неделе. В субботу Н.Л. поехал к мировому судьбе и чуть было не утонул в реке: насилиу вытащили народом, и мне опять поневоле пришлось остаться в Л*. Место здесь гористое, на 4 верстах 5 гор, воды в лощинах по горло, переправы никакой, дороги тоже – ни на саях, ни на колесах. Все крошечные речушки при Л* поднялись от

самого берега, которые все-таки довольно круты, лед взломало и разбросало по берегам грудями. Еще в Н. (село) река, через которую обычно во время разлива переправы нет, и объехать негде. Вот потому сижу у моря и жду погоды. При первой возможности буду в Петербурге... соскучилась я об Вас. Не сердитесь, что не писала долго, всякий час, всякую минуту собираюсь ехать; все уложено. Тороплюсь писать, думая выехать на Суходол верхом.

Не помните ничего дурного, пожалуйста, пишите в Москву, надеюсь скорее написать из Суходола. Пожалуйста, не забудьте, дорогой, об себе подробно и не забудьте преданную Вам всем существом.